

Митрополит Горловский и Славянский Митрофан: «Люди были рады тому, что их встретил представитель Церкви»

101 человеческая жизнь была спасена в минувшие выходные. Усилиями переговорщиков и военных с территории завода «Азовсталь» в Мариуполе удалось эвакуировать мирных жителей, которые провели в его бомбоубежищах почти два месяца. О том, как проходил этот процесс и что сейчас переживают освобожденные люди, в интервью для

Патриархия.ru рассказал непосредственный участник событий митрополит Горловский и Славянский Митрофан. Поздно вечером в пятницу, 29 апреля, мне поступил звонок. Сообщили, что со мной хочет говорить Патриарх Кирилл. Я узнал о состоявшихся переговорах об освобождении мирных граждан с территории завода «Азовсталь» в Мариуполе. Святейший Патриарх благословил, чтобы я от лица Церкви принял участие в процессе эвакуации людей. В три часа ночи я выехал из Горловки, и уже в семь утра был в поселке Безыменное в составе колонны представителей, которые должны были участвовать в этом процессе.

Как это устроено изнутри. Рано утром в Безыменном начались переговоры между представителями Вооруженных сил Российской Федерации, ООН и Красного Креста. В самих переговорах я участия не принимал, моей задачей было помочь в эвакуации людей, которые находились на

«Азовстали». Она должна была происходить непосредственно в зоне боевых действий. Чтобы люди решились выходить, необходимо было в первую очередь обеспечить режим тишины – этим занимались военные. Присутствие священнослужителя должно было повысить доверие к происходящему.

Переговоры, которые шли в два этапа, с перерывами и консультациями, закончились около двух часов дня, и все участники выдвинулись в направлении комбината «Азовсталь». Конечной точкой маршрута стал перекресток перед азовстальским мостом. Этот мост на тот момент был заминирован. Начались переговоры с представителями «Азова» (признан экстремистской организацией и запрещен на территории России): они должны были выпустить сигнальную ракету, после чего можно было начинать разминирование моста и движение к точке передачи находящихся на территории завода людей.

Во время разминирования с моста сняли более десяти мин. После этого мы направились к точке встречи. Кроме меня, в составе делегации были представители ООН и Красного Креста, а также несколько военных без оружия. Там мы прождали два с половиной часа. Все это время представители Красного Креста и ООН размахивали флагом, привлекая внимание. Рядом стояли четыре автобуса, готовые отвезти эвакуированных в Безыменное.

Первые спасенныеИз разговоров сотрудников ООН и Красного Креста я понял, что их мандат действует только в светлое время суток, по наступлении темноты они не имеют права осуществлять свою деятельность. Они говорили между собой о том, что максимум десять-пятнадцать минут, и нужно будет уезжать. Кто-то выражал оптимизм по поводу происходящего, кто-то – скепсис. Всем было понятно, что количество людей, которое было заявлено, – около ста человек – за такое короткое время выйти не сможет. Мы ждали и надеялись, что выйдет хотя бы кто-то.

Уже в сумерках, практически перед наступлением темноты, с территории «Азовстали» прибыл автобус. Людей привезли трое украинских военных. Гражданских был двадцать один человек, включая шестерых детей. Среди них был даже шестимесячный младенец.

На крайней точке встречи по условиям переговоров могли находиться только сотрудники ООН и Красного Креста. Дальше, метров через тридцать, стоял я, и уже за мной находились военные и автобусы. Я приветствовал выходящих с «Азовстали» людей словами «Христос Воскресе!» Передавал им приветствие и слова ободрения от Святейшего Патриарха. Многие из них плакали. Им нужно было в первую очередь сказать, что с ними все хорошо и война для них уже закончилась, убедить в том, что теперь они в безопасности. Тем, кто постарше, нужно было помочь идти, донести чьи-то сумки.

Темнело, было понятно, что никто уже с территории завода не выйдет, но нам обещали, что эвакуация продолжится на следующий день. Всех посадили в автобус и повезли в Безыменное, которое находится примерно в двадцати пяти километрах от Мариуполя.

Что будет дальше? Людей интересовало, что с ними будет дальше. Представители Красного Креста и ООН сразу же провели брифинг. Военным по условиям переговоров в это время разговаривать с людьми было запрещено, они занимались только организацией процесса эвакуации. Меня сотрудники ООН попросили участвовать в их брифингах и оставаться с людьми. Об этом же просили и сами люди. Я думаю, что дело не в моей личности: для них важно было присутствие человека в священном сане, это их успокаивало.

Мы объясняли людям, что они в безопасности, что сейчас они приедут в лагерь для размещения беженцев, там будет достаточное количество еды и воды, им окажут медицинскую и правовую помощь. Единственная из сложностей — придется пройти беседу с представителями соответствующих служб, но это будет в присутствии сотрудников ООН, поэтому беспокоиться не нужно. После у каждого будет выбор: уехать на территорию Украины, в Запорожье, или остаться здесь. Решать они будут самостоятельно, без какого-либо давления.

Потом люди начинали спрашивать: «А что с моим домом? А где ключи? А у меня нет документов...» На мой взгляд, это очень хорошие вопросы, потому что они свидетельствуют о том, что внутри человек на главный вопрос уже ответил: со мной все хорошо. Теперь его начинает беспокоить житейское. Когда я их слышал, то уже понимал, что первый этап завершился, человек убедился в том, что он находится в безопасности.

Чего ждут от священнослужителя? Приходилось, как и многим священнослужителям, работать «адвокатом Бога» – отвечать на вопрос, почему Господь все это допускает. Многие просто рады были общению с кем-то из духовенства. Они брали благословение, сетовали, что пасхальные праздники провели в бомбоубежище, – но и радовались тому, что живы.

Я там встретил людей, которые меня помнят еще священником, когда я служил в Мариуполе в 1997 году — они меня узнали, спросили, я ли это. Один мужчина сказал, что работал кровельщиком, занимался восстановлением Покровского собора. Он спрашивал, в каком состоянии храм, сохранилась ли кровля. С моста мы видели собор вдалеке, он возвышается над городом.

Мне кажется, большинство людей, которых мы эвакуировали, были верующими. На приветствие: «Христос Воскресе!» – все отвечали: «Воистину Воскресе!» – улыбались, были доброжелательны по отношению ко мне. Если подобные ситуации будут происходить в дальнейшем, присутствие там священнослужителя абсолютно уместно и даже необходимо. Улыбки, доброжелательность – это

было не лично ко мне обращено, люди были рады тому, что их встретил представитель Церкви. Это создавало атмосферу доверия и безопасности: все были уверены, что в присутствии священника вряд ли кто-то позволит себе какую-то провокацию. Преодолеть недоверие было самой важной задачей, потому что обе стороны имеют основания опасаться друг друга, и в этих условиях процесс эвакуации в любой момент мог сорваться.

Заложники ситуацииНа следующий день в семь утра мы снова выдвинулись на ту же точку. Все снова началось с разминирования, потому что за ночь мост заминировали повторно. Мин было еще больше, поэтому работали долго. Эвакуация продолжилась на прежнем месте.

Приезжали автобусы с «Азовстали». Ими управляли военнослужащие «Азова» (признан экстремистской организацией и запрещен на территории России) – их было иногда трое, иногда пятеро. В автобусах было разное количество людей: в каком-то двадцать, в каком-то – всего семь. В общей сложности в этот день было эвакуировано восемьдесят человек: около двадцати детей, столько же пожилых мужчин, остальные – женщины. Всех я встречал пасхальным приветствием, предлагал помощь и провожал до автобуса, в котором они должны были эвакуироваться дальше. Последних эвакуированных мы отправили в Безыменное в пять часов вечера. Скорее всего, какие-то мирные жители там еще остались, но они сами не захотели выйти.

Многих сегодня интересует, как на «Азовстали» оказались мирные жители. Кто-то просто там работал – на заводе, помимо металлургов, огромное количество обслуживающего персонала. Кроме того, там были официальные бомбоубежища, в которые можно было спрятаться при активизации боевых действий. Люди спустились в убежище, как думали, ненадолго, а выйти оттуда уже не смогли из-за постоянных обстрелов. Двухдневный режим тишины для многих послужил сигналом к тому, чтобы выходить. Некоторые люди покинули бомбоубежище самостоятельно, об их судьбе никто ничего не знает.

Многие давно не ели хлеба, питались только кашами. Вода у них была: я им предлагал, но они благодарили и отказывались. Одни были в заплесневелой одежде, другие – абсолютно ухоженные. Видимо, бомбоубежищ там несколько, и люди находились в разных условиях.

Найти сынаНа второй день я возвращался отдельно от эвакуированных, потому что должен был выполнить просьбу. В одной из вышедших с «Азовстали» групп была семейная пара, их сын остался с крестной. Они не видели своего ребенка сорок семь дней и даже не знали, жив ли он. Крестная жила в поселке Виноградное недалеко от Мариуполя, эти люди дали мне адрес и попросили найти их сына. Я пообещал, что по окончании эвакуации обязательно туда наведаюсь, и если там есть ребенок, я его привезу к ним, а если нет, то узнаю, где он может быть. Поэтому, когда закончилась эвакуация, я поехал в Виноградное искать этот дом.

Вначале мы его не нашли: адрес оказался неверным. Начали расспрашивать людей, и первая же женщина расплакалась – она тоже много дней не могла выйти из бомбоубежища, но на заводе им. Ильича. Она и указала нам дорогу.

Дом оказался целым, там действительно жила женщина с мальчиком лет десяти. Вначале они нам даже не поверили, что семья выжила, но потом согласились ехать в Безыменное. По дороге мальчик со знанием дела комментировал военную технику и даже объяснял, какой корабль на горизонте военный, а какой – патрульный.

Встреча матери с сыном произошла на моих глазах. Семья мальчика – мама, сестра и бабушка с дедушкой – были еще в автобусе, отец как раз проходил собеседование. Выходить из автобусов было нельзя. Несмотря на сильные эмоции, никто не побежал навстречу родным – вначале спросили у вооруженных людей, можно ли. Те, конечно же, разрешили. Обнимали на радостях всех – не только друг друга, но и нас. Это стало самым ярким впечатлением того дня. Прослезились даже военные.

Помощь ЦерквиДля того, чтобы эвакуация гражданских с «Азовстали» стала возможной, было задействовано огромное количество людей, которые выполняли свою работу: переговорщиков, военных, врачей и многих других специалистов. Режим тишины поддерживали буквально в ручном режиме, чтобы ничего нигде не стреляло и ни в коем случае процесс не сорвался. Все к этому относились очень трепетно, работали на пределе сил.

Хочу обратить слова благодарности к Святейшему Патриарху за то, что он так близко к сердцу принял происходящее и сделал со своей стороны всё, что мог, для того чтобы приблизить освобождение мирных жителей из мариупольского подземелья. Награду за это посчастливилось увидеть мне: глаза людей, которые выходили оттуда, их радость от осознания, что их жизни больше ничего не угрожает, встречу мальчика с родителями. Результатом огромной работы многих людей стало то, что сто один человек сегодня жив.

Даже если кто-то спасет одного человека, он уже жил не зря. Святейший Патриарх в эти дни был полностью погружен в процесс вывода гражданских, многократно интересовался ходом событий, всеми мельчайшими деталями, и в любой момент, если бы возникли какие-то затруднения, он готов был на своем уровне в него вмешаться, чтобы эвакуация продолжилась и завершилась успехом. Я, помимо общения с людьми, видел свою миссию в том, чтобы если этому процессу что-то начало угрожать, сообщить об этом Патриарху.

Считать эвакуацию мирных граждан с «Азовстали» отправной точкой активизации деятельности

Церкви в сфере помощи пострадавшим от боевых действий, конечно, было бы неверно. Это не отправная точка, а один из ярких эпизодов. Церковь всегда оказывала и будет оказывать помощь людям, попавшим в сложную ситуацию. Мариупольские священники активно занимаются этой работой каждый день. Они раздают гуманитарную помощь, помогают в поиске родственников, участвуют во всех процессах – причем не по настоянию сверху, а исходя из христианских мотивов.

Мы в Горловской епархии в любой момент готовы участвовать в любой акции, которая принесет пользу людям. Будем помогать всем, чем можем. Практически вся территория нашей епархии уже в зоне боевых действий: в Лимане, Северске, Горловке, Енакиево, Дебальцево мы практически каждый день видим обстрелы и разрушения. В любой момент то же самое может начаться в Славянске, Краматорске и Константиновке. Учитывая это, мы, конечно же, готовимся прийти на помощь максимально быстро, для этого уже заготовлен определенный ресурс.

Записала Светлана Охрименко
Публикация пресс-службы Горловской епархии

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/89209/>